

КЕН ФОЛЛЕТТ

ВЕЧЕР
И УТРО

ТОМ 2

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
Ф75

Серия «Классическая и современная проза»

Ken Follett
THE EVENING AND THE MORNING

Перевод с английского *В. Желнинова*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *О. Жуковой*

Печатается с разрешения KENNETH MARTIN FOLLETT
и The Follett Office Limited.

Фоллетт, Кен.

Ф75 Вечер и утро [В 2 т.] Т. 2 : [роман] / Кен Фоллетт ; [перевод с английского В. Желнинова]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Классическая и современная проза).

ISBN 978-5-17-185734-9

997 год от Рождества Христова.

Темные века на континенте подходят к концу, однако в Британии на кону стоит само существование английской нации...

С запада нападают воинственные кельты Уэльса. Север снова и снова заливают кровью набеги беспощадных скандинавских викингов. Прав тот, кто силен. Меч и копьё стали единственным законом. Каждый выживает, как умеет.

Таковы времена, в которые довелось жить героям — ищущему свое место под солнцем молодому кораблестроителю-саксу, чья семья была изгнана из дома викингами, знатной норманнской красавице, вместе с мужем готовящейся вступить в смертельно опасную схватку за богатство и власть, и образованному монаху, одержимому идеей превратить свою скромную обитель в один из главных очагов знаний и культуры в Европе.

Это их история — масштабная и захватывающая, жестокая и завораживающая.

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

© Ken Follett, 1920
© Перевод. В. Желнинов, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Часть третья
УБИЙСТВО
1001—1003 годы н.э.

25

Январь 1001 г.

Рагна рожала второго ребенка, и все шло не слишком хорошо. Епископ Уинстен слышал ее крики, сидя в доме своей матери Гиты. Сильный дождь за окном почти не глушил сторонние звуки, и крики Рагны, такие отчетливые, вселяли в Уинстена надежду.

— Если она сдохнет заодно с младенцем, все разрешится само собой, — сказал он.

Гита взялась за кувшин:

— Когда рожала тебя, было так же. Ты вылезал долго, почти сутки. Никто не верил, что мы выживем.

Ему слышались в ее тоне обвинительные нотки.

— Ну, я-то не виноват.

Мать подлила ему вина:

— Родился ты с воплями и все кулачками размахивал.

В материнском доме Уинстену было неуютно. Гита неизменно выставляла на стол сладкое вино и крепкий эль, сливы или груши, ветчину и сыр, а холодными ночами предлагала укрыться толстым одеялом, однако вся эта забота почему-то внушала чувство тревоги.

4 — Я был послушным ребенком, — возразил епископ. — И любил учиться.

— Рассказывай! — фыркнула Гита. — Палкой на учебу загоняли! А стоило отвернуться, как ты сбегал с уроков во что-нибудь поиграть.

Неожиданно на Уинстена обрушилось детское воспоминание.

— Ты не разрешила мне посмотреть на медведя.

— Какого еще медведя?

— Кто-то привел на двор медведя на цепи. Все побежали глазеть, но отец Акульф потребовал, чтобы я закончил переписывать десять заповедей, а ты его поддержала. — Он словно воочию увидел, как сидит с вощенной табличкой и гвоздем в руках, а снаружи кричат и гогочут другие мальчишки. — Я постоянно делал ошибки в латыни, так что когда меня все-таки отпустили, медведя уже увели.

Гита покачала головой:

— Я этого не помню.

Зато Уинстен помнил досконально:

— Я тогда возненавидел тебя.

— А я поступила так из любви.

— Может быть. Может быть.

Она поняла, к чему клонит сын.

— Тебе предстояло стать священником. Потехи были для престолюдинов, не для тебя.

— Почему ты твердо решила, что я буду священником?

— Ты же второй сын, а я — вторая жена. Уилвильф должен был унаследовать богатство своего отца и стать элдорменом, если не погибнет молодым, а ты, второй сын, оставался бы ни с чем. О тебе вспомнили бы, лишь случись какая беда с Уилфом. Я сразу сказала себе, что не допущу та-

кого. Твой путь к власти, богатству и высокому положению пролегал через церковь.

— И твой тоже, мама.

— Где я и где ты, — проговорила она смиренно.

В этом самоумалении не было ни капли искренности, и Уинстен даже не подумал утешить мать.

— После меня ты ждала потомства пять долгих лет — почему? Это было преднамеренно, из-за трудных родов?

— Совсе нет! — возмутилась Гита. — Знатной женщине не пристало уклоняться от долга!

— Прости.

— У меня было два выкидыша до Уигельма, не говоря уже о мертворожденных детях.

— Я помню, как родился Уигельм, — задумчиво произнес Уинстен. — В пять лет я хотел его убить.

— Такие чувства часто посещают старших детей. Это духи подзуживают. Редко доходит до чего-то серьезного, но я все равно держала тебя подальше от колыбельки Уигельма.

— А он доставлял тебе трудности?

— Его роды были попроще твоих, хотя деторождение само по себе — сомнительное удовольствие. Обычно рожать второго ребенка легче, чем первого. — Гита прислушалась к шуму из соседнего дома. — Похоже, Рагна со мною не согласилась бы. Там явно что-то не так.

— Смерть при родах — обычное дело. — Уинстен хохотнул, перехватил мрачный взгляд Гиты и осознал, что его веселье неуместно. Мать на его стороне, что бы он ни творил, но женщина остается женщиной. — Кто ухаживает за Рагной?

— Повитуха из Ширинга, зовут Хильди.

6 — А, местная знахарка с языческими сна-
добьями.

— Она самая. Если Рагна и новорожденный умрут, Осберт никуда не денется.

Первому ребенку Рагны уже исполнилось два года, этого рыжеволосого крепыша назвали Осбертом в честь отца Уилвульфа. Осберт останется законным наследником элдормена, даже если второй отпрыск Рагны умрет сегодня.

Уинстен снисходительно махнул рукой:

— Ребенок без матери — ерунда, а не угроза. — Кроме того, от двухлетнего ребенка нетрудно извлекать; вслух он этого говорить не стал, припомнив недавнее недовольство Гиты.

Она молча кивнула.

Он пригляделся к матери. Тридцать лет назад ее лицо пугало. Нынче ей за пятьдесят, ее волосы уже давно поседелели, а за последнее время и темные брови запестрели серебристыми крапинками, над верхней губой пролегли новые морщинки, а округлая прежде фигура сделалась грузной. При всем том Гита сохраняла способность вселять страх в сердце сына.

Она умела терпеть и сидеть неподвижно, как свойственно женщинам, но вот Уинстен таким даром не владел. Он шаркнул ногами, поерзал на табурете.

— Господи Боже, сколько еще ждать?!

— Если ребенок застрянет, обычно умирают оба — и он, и роженица.

— Помолимся за это. Нам нужно, чтобы Уилфу наследовал Гарульф. Это единственный способ сбегать все, чего мы добились.

— Ты прав, как ни жаль. — Гита скривилась. — Гарульф не самый умный мужчина на свете. К счастью, мы знаем, как им управлять.

— Зато воины его любят.

— Никогда этого не понимала.

— Он всегда готов прикупить бочонок-другой эля и разрешает им пускаться по кругу пленниц.

Мать снова смерила Уинстена неодобрительным взглядом, но епископ знал, что это наносное: в урочный час она сделает ровно то, что необходимо для семьи, — что бы это ни было.

Крики за окном наконец прекратились. Уинстен и Гита настороженно вслушивались в наступившую тишину. Уинстен даже начал думать, что его заветное желание сбылось.

А затем раздался громкий плач новорожденного.

— Выжил! — процедил Уинстен. — Вот же сука!

Дверь открылась, показалась мокрая от дождя голова пятнадцатилетней служанки Винтрита, дочери кухарки Гильды.

— Мальчик! — радостно сообщила она. — Сильный, как телок, и с отцовским подбородком!

Голова исчезла, а Уинстен пробормотал:

— Чтoб он провалился со своим треклятым подбородком!

— И так, кости за нас не сыграли.

— Это все меняет.

— Верно. — Гита призадумалась. — Придется измысливать что-то новенькое.

Уинстен растерялся:

— Ты о чем, мама?

— Мы действуем неправильно.

Уинстен так не считал, но привык, что мать обыкновенно оказывается права.

— Продолжай.

— Зря мы так одержимы Рагной.

Уинстен приподнял бровь:

— Да что ты?!

— Беда не в ней, а в Уилфе.

8 Уинстен помотал головой, показывая, что совершенно сбит с толку. Оставалось терпеливо ждать, пока Гита поделится своими мыслями.

Помолчав, она сказала:

— Уилф сильно увлекся Рагной. Никогда раньше он не влюблялся так горячо. Он любит ее, даже обожает, а она, кажется, знает, как доставить ему удовольствие — и в постели, и в быту.

— Это не мешает ему время от времени трахать Инге.

Гита пожала плечами:

— Мужчины не склонны замыкаться на одной женщине. Но Инге для Рагны не опасна. Доведись Уилфу выбирать между ними двоими, он без колебаний выберет Рагну.

— Думаешь обольстить Рагну и заставить ее предать Уилфа?

Гита покачала головой:

— Нет. Знаю, ей по душе тот даровитый мальчуган из Дренгс-Ферри, но нам это не поможет. Он ей не ровня.

Уинстен припомнил юнца-корабела из Кума, того самого, который вместе с семьей перебрался в Дренгс-Ферри. И вправду ничтожество.

— Не годится. — Он ухмыльнулся. — Она должна согрешить с каким-нибудь смазливym горожанином, который заберется ей под юбку, пока Уилф сражается с викингами.

— Сомневаюсь, что эта затея выгорит. Рагна слишком умна для того, чтобы ставить под удар свое положение ради мимолетного увлечения.

— Как ни жаль, вынужден с тобой согласиться.

В дверь снова просунулась голова Винтрит, мокрее прежнего. На лице девчонки играла шальная улыбка.

— Еще мальчик! — выпалила она.

— Близнецы?! — изумилась Гита.

— Второй поменьше и темненький, но тоже крепкий! — Винтрит убежала.

— Дьявол побери их обоих! — прошипел Уинстен.

— Теперь на пути Гарульфа уже трое, а не один. — Гита нахмурилась.

Появление на свет близнецов меняло все привычные расклады. Уинстен некоторое время обдумывал последствия этого события, его мать наверняка занималась тем же самым.

Наконец епископ разочарованно произнес:

— Но должен ведь найтись способ разлучить Уилфа с Рагной. На ней свет клином не сошелся, разрази меня гром!

— Быть может, отыщется другая девица, которой он увлечется. Помоложе Рагны и, не исключено, более похотливая.

— Ты знаешь, где такую взять?

— Надо поискать.

— По-твоему, у нас получится?

— Полагаю, да. Ничего другого мы все равно не придумаем.

— Где ты намерена искать замену Рагне?

— Не знаю. — Гита вдруг встрепенулась. — А если просто купить?

* * *

После мирного Рождества Железная Башка напал снова.

Холодным и ясным утром Эдгар выгружал камни с плота на берегу возле дома братьев. Он готовился строить коптильню. Довольно часто в садок попадало больше рыбы, чем семья могла продать,

10 и зимой дом внутри словно превратился в перевернутый лес: тушки угрей свисали со стропил голыми молодыми деревцами. Ничего, в каменной коптильне свободного места будет много, да и опасность пожара не та, что в деревянном доме.

Он все увереннее работал с камнем. Давно закончил укреплять монастырскую церковь, и колокольня уже не грозила упасть. Целых два года Эдгар управлял каменоломней в Оутенхэме, широко торговал камнем и добывал деньги для себя и для Рагны. По зиме спрос, естественно, снижался, и Эдгар воспользовался этой возможностью, чтобы набрать камней для семейного хозяйства.

Появился Эдбальд, кативший пустую бочку по неровной тропинке вдоль берега реки.

— Эль закончился, — сказал он. Теперь на доходы от пруда с рыбой они могли позволить себе многое.

— погоди, сейчас помогу. — Эдгар спрыгнул с плота. Один человек вполне справлялся с пустой бочкой, но вот полную обычно катали в четыре руки.

Они занесли бочку в таверну, и Бриндл юркнул внутрь следом за ними. Пока они расплачивались с Лив, паром привез двоих путников. Эдгар узнал Одо и Аделаиду, гонцов, недавно прибывших из Шербура. Эти двое, муж и жена, пару недель назад проходили через Дренгс-Ферри, тогда их сопровождали воины, а доставляли они письма и деньги для Рагны.

Эдгар поздоровался:

— Что, домой собрались?

Одо ответил с заметным чужеземным выговором:

— Да, рассчитываем сесть на корабль в Куме.

Высокий и широкоплечий, на вид лет тридцати, он стриг свои светлые волосы по норманнскому

обычаю, то есть сбрасывал до кожи на затылке. На боку у него висел увесистый меч. 11

На сей раз воинов с гонцами не было, поскольку деньги везти обратно не потребовалось.

Аделаида взволнованно зашебетала:

— Мы очень спешим привезти домой отличные новости! Леди Рагна родила двойню! Близнецы, оба мальчишки!

Невысокая, тоже светловолосая, как ее муж, она носила подвеску на серебряной нитке — крупинку янтаря. Такая подвеска подошла бы Рагне, мимоходом заметил Эдгар.

Надо же — близнецы! Эдгар довольно усмехнулся. Теперь наследником Уилвульфа точно станет кто-то из отпрысков Рагны, а не сынок Инге Гарульф, жестокий и туповатый.

— Мы рады за даму Рагну.

Дренг, который тоже слышал слова Аделаиды, не упустил случая примазаться:

— Уверен, все захотят выпить за здоровье наших новых владетелей!

Посторонний мог бы подумать, что он предлагает промочить горло за счет заведения, однако Эдгар знал, что это его обычная уловка.

Норманны на нее не попались:

— Мы хотим добраться до Мьюдфорд-Кроссинга до наступления темноты, — сказал Одо, и гонцы отбыли.

Эдгар с Эдбальдом докатили заново наполненную бочку до дома, после чего Эдгар вернулся к разгрузке плота: он обвязывал камни веревкой и таскал их с берега вверх по склону к месту будущей коптильни.

Зимнее солнце стояло высоко, он как раз приготовился сгрузить последний камень, когда с дальнего берега реки донесся крик:

12 — Эй! Помогите, прошу!

Эдгар обернулся на голос и увидел мужчину с женщиной на руках. Оба были без одежды, женщина не шевелилась. Приглядевшись, Эдгар узнал Одо и Аделаиду.

Он прыгнул на плот и поплыл через реку. Должно быть, на гонцов напали и отняли все, в том числе одежду.

Когда плот достиг дальнего берега, Одо перебрался на суденышко, продолжая бережно держать Аделаиду. Он устало опустил на грубо обтесанную каменную глыбу. На лице кровь, один глаз заплыл, ногу он подволакивал; Аделаида глаз не открывала, ее светлые волосы были запачканы кровью, но женщина дышала.

Эдгар испытывал смешанные чувства — ему остро хотелось помочь этой хрупкой на вид чужестранке, а еще его переполняла ненависть к тем, кто учинил с нею такое.

— На острове есть женский монастырь, — сказал он. — Настоятельница Агата сильна в целительстве. Отвезти вас туда?

— Если можно, только побыстрее.

Эдгар, ловко орудуя шестом, повел плот вверх по течению.

— Что стряслось?

— На нас напал человек в шлеме.

— Железная Башка, — утвердительно произнес Эдгар и прибавил вполголоса: — Вот же отродье сатаны!

— Он был не один. Меня ударили по голове. Нас ограбили и бросили умирать. Когда я очнулся, мы оба лежали голыми.

— Разбойники падки до оружия. Наверное, польстились на твой меч, ну, и на подвеску Аделаиды.

— Если вам известно, что в лесу прячутся разбойники, почему вы их не изловите? — Одо говорил раздраженно, будто обвиняя Эдгара в потворстве грабителям.

Эдгар решил сделать вид, что не заметил упрека.

— Мы их обыскались, уж поверь. Обшарили каждый ярд южного берега. Но эти стервецы вечно от нас ускользают!

— У них есть лодка. Я сам ее видел незадолго до нападения.

Эдгар подобрался:

— Что за лодка?

— Обычная. Маленькая такая.

— Я этого не знал. — В деревне привыкли думать, что Железная Башка прячется на южном берегу, ведь грабил он только там, но если у него лодка, то его убежище вполне могло располагаться на другом берегу.

— Ты сам с ним сталкивался? — спросил Одо.

— Как-то ночью я рубанул его топором по руке, когда он попытался стащить у нас поросенка. Он сбежал, разумеется. Все, прибыли. — Эдгар перебрался на берег Острова прокаженных и натянул веревку, удерживая плот на месте, пока Одо переносил на сушу Аделаиду.

Настоятельница Агата открыла калитку на стук. Словно не замечая наготы Одо, она воззрилась на бесчувственную Аделаиду.

— Моя жена... — начал было Одо.

— Бедняжка! — перебила Агата. — Я постараюсь ей помочь.

Она подставила руки.

— Я сам отнесу.

Агата молча покачала головой.

14 Одо передал ей Аделаиду. Настоятельница уверенно приняла тело и скрылась за оградой. Чья-то незримая рука хлопнула калитку.

Одо постоял у ограды и возвратился к плоту.

— Погреться бы. Отвези меня к таверне.

— Без денег тебе там не обрадуются, — возразил Эдгар. — А вот в монастыре точно примут. Приор Олдред даст тебе рубище и башмаки, монахи промоют твои раны и накромят так, что ты запросишь пощады.

— Слава Всевышнему, что на свете есть монахи!

Эдгар подвел плот к берегу и привязал к дереву.

— Идем, — позвал он.

Одо неловко шагнул на сушу, споткнулся и упал на колени.

— Прости, — повинулся он. — Что-то ноги не держат. Верно, утомился нести Ади.

Эдгар помог ему подняться и проводил Одо до здания, которое раньше служило домом священников, а ныне сделалось монастырем. Откинул щеколду на двери и наполовину втопил Одо внутрь. Монахи трапезничали за столом — все, кроме Олдреда, который стоял на амвоне, сработанном Эдгаром, и читал вслух.

Приор сбился, увидев Эдгара и Одо.

— Что случилось? — взволнованно спросил он.

— По пути домой, в Шербур, Одо и его жену избили, ограбили, раздели и бросили умирать.

Олдред отложил книгу и осторожно взял Одо за руку:

— Присаживайся к огню. Брат Годлеов, принеси вина, нужно промыть раны.

Приор усадил Одо, затем помог тому лечь. Годлеов принес кувшин с вином и чистую тряпку.

Олдред притронулся к окровавленному лицу 15
раненого.

— Оставляю тебя здесь, — сказал Эдгар. — Ты в надежных руках.

— Спасибо, сосед, — тихо проговорил Одо.
Эдгар улыбнулся.

* * *

Старшего из близнецов Рагна назвала Хьюбертом в честь своего отца, а младшему дали имя Колинан. Мальчики с рождения отличались друг от друга — один большой и светловолосый, другой поменьше и с темными волосами. Молока у Рагны вполне хватало на обоих, вот только грудь распухла и отяжелела.

Недостатка в помощницах по уходу за детьми не ощущалось. Кэт присутствовала при родах и сразу же влюбилась в близнецов. Сама она вышла замуж за Берна Великана и родила ребенка, ровесника Осберта. С Берном они вроде бы ладили, хотя другим женщинам Кэт жаловалась — муженек такой толстый, что ей всегда приходится садиться сверху. Под непременно хихиканье Рагна не раз задумывалась, каково было бы мужчинам, узнай они, как женщины о них отзываются.

Белошвейка Агнес тоже привязалась к близнецам. Она стала женой англосакса Оффы, старосты Мьюдфорда, но детей у них не было, а потому все свои нерастраченные материнские чувства Агнес устремила на младенцев госпожи.

Впервые Рагна рассталась с близнецами, когда стало известно о нападении на Одо и Аделаиду.

Эта весть ее потрясла. Гонцы прибыли в Англию именно к Рагне, и она чувствовала себя ответствен-